

ное или неупрямое, другое — нарочное, злобное и упорное». Далее подробно говорится именно об этом самом вредном и опасном виде невежества. Иронически характеризуется позиция таких невежд: «Думают беднии, что в преступлении закона божия, — о котором оны слышат и ведают, но притворяют себе быть неведущих — не будут судими и казними от бога, сеже аки бы одинаго ради невежества своего, которое оны мечтают себе быть в блаженство; тем же и не обинуясь, блаженными себе именуют; протчих, писания ведущих, не ублажают, но паче оуждают, глаголя торжественно, яко сии воздадут ответ пред судом божим о всяком деле и слове, а нас-де бог простит, паче же и оправдит нас, яко простых людей».⁶ Представление о том, что знание — грех, незнание же в любом случае — оправдание перед лицом бога, служило удобным руководством для многих церковных деятелей. С этим узаконенным невежеством, невежеством, возведенным в принцип, и борется Прокопович. Для него подобное невежество неразрывно связано с лицемерием, завистью и другими пороками. Выступая в защиту науки, Прокопович высказывает в этом же сочинении очень важную для того времени мысль о необходимости учиться не только «церковным людям», но и всем другим, независимо от их сословной принадлежности. В этой связи уместно вспомнить и об упоминаемом исследователями факте из биографии Феофана: заступничестве за Ломоносова, скрывшего свое крестьянское происхождение.

Проникшись просветительской верой в могущество и спасительность образования, Прокопович остро чувствовал, как скована политическая и культурная жизнь России властью православной церкви. Естественно, он не мог не оценить свободомыслие Петра I в религиозных вопросах. Веротерпимость, проявлявшаяся царем,⁷ была по существу очень понятна и близка Феофану. В условиях острой борьбы, которую и тому и другому приходилось вести с властью официальной церкви, вопрос об отношении к иноверцам имел принципиальное значение. В «Рассуждении» П. Шафирова, игравшем роль программного правительственного документа, сравнивается прежняя Россия, которую

⁶ Феофан Прокопович. Разговор гражданина з селянином да певцем или дячком церковным. — В кн.: П. В. Верховской. Учреждение духовной коллегии и духовный регламент, т. II, отд. III. Ростов-на-Дону, 1916, стр. 30.

⁷ Нельзя, разумеется, абсолютизировать это понятие в применении к Петру I и к рассматриваемой эпохе вообще. В частности, о политике Петра по отношению к раскольникам см.: Н.-Н. Nolte. *Religiose Toleranz in Rußland. 1600—1725.* Göttingen, Zürich, Frankfurt, 1969, S. 143—177.

Позицию Петра очень верно характеризует Ю. Ф. Самарин: «Необходимость веры была одним из основных его убеждений, но она была нужна ему только как условие государственного благоустройства, как порука за нравственность частных лиц, как верование. К объекту же, к содержанию верования он был довольно равнодушен» (Стефан Яворский и Феофан Прокопович, стр. 246).